

Ст. Кущёв

КОСЬБЫ И СУДЬБЫ

Ст. Кущёв Косьбы и судьбы

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6735020
Косьбы и судьбы / Ст. Кущёв: Издать Книгу; Москва;*

Аннотация

Простые житейские положения достаточно парадоксальны, чтобы запустить философский выбор. Как учебный (!) пример предлагается расследовать философскую проблему, перед которой пасовали последние сто пятьдесят лет все интеллектуалы мира – обнаружить и решить загадку Льва Толстого. Читатель убеждается, что правильно расположенное сознание не только даёт единственно верный ответ, но и открывает сундуки самого злободневного смысла, возможности чего он и не подозревал. Читатель сам должен решить – убеждают ли его представленные факты и ход доказательства. Как отличить действительную закономерность от подтасовки даже верных фактов? Ключ прилагается. Автор хочет напомнить, что мудрость не имеет никакого отношения к формальному образованию, но стремится к просвещению. Даже опыт значим только количеством жизненных задач, которые берётся решать самостоятельно любой человек, а, значит, даже возраст уступит пытливости. Отдельно – поклонникам детектива: «Запутанная история?», – да! «Врёт, как свидетель?», – да! Если учитывать, что свидетель излагает

события исключительно в меру своего понимания и дело сыщика увидеть за его словами объективные факты. Очные ставки? – неоднократно! Полагаете, что дело не закрыто? Тогда, документы, – на стол! Свидетелей – в зал суда! Досужие личные мнения не принимаются.

Содержание

Об авторе	5
На дальней «Станции»...	9
Толстовская ЭНИГМА I6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ст. Кущёв

Косьбы и судьбы

Об авторе

Автор решительно не желает сообщать о себе какие-либо сведения, чтобы ничем не отвлекать читателя. Кроме того, его роль минимальна – лишь связать факты цепью рассуждения. Это по силам каждому, кто привычен к здравомыслию и личному разумению. Возможно, что пригодится переключатель «заднего ума» на «передний мост». «Полный привод» также приветствуется.

Если опыт окажется удачным, на очереди «интеллект-приключение» ещё в одно всеобщее заблуждение....

Простые житейские положения достаточно парадоксальны, чтобы запустить философский выбор. Как учебный (!) пример предлагается расследовать философскую проблему, перед которой пасовали последние сто пятьдесят лет все интеллектуалы мира – обнаружить и решить загадку Льва Толстого. Читатель убеждается, что правильно расположенное сознание не только даёт единственно верный ответ, но и открывает сундуки самого злободневного смысла, возможности чего он и не подозревал. Читатель сам должен решить

– убеждают ли его представленные факты и ход доказательства. Как отличить действительную закономерность от подтасовки даже верных фактов? Ключ прилагается.

Автор хочет напомнить, что мудрость не имеет никакого отношения к формальному образованию, но стремится к просвещению. Даже опыт значим только количеством жизненных задач, которые берётся решать самостоятельно любой человек, а, значит, даже возраст уступит пытливости.

Отдельно – поклонникам детектива: «Запутанная история?», – да! «Врёт, как свидетель?», – да! Если учитывать, что свидетель излагает события исключительно в меру своего понимания и дело сыщика увидеть за его словами объективные факты. Очные ставки? – неоднократно! Полагаете, что дело не закрыто? Тогда, документы, – на стол! Свидетелей – в зал суда! Досужие личные мнения не принимаются.

Идея – разящая «молния духа» создаваемая человеком. Но побеждает только тот, кто способен сознательно выбрать, что его дело служит – чему?

«Имидже-товарное коммуницирование» для тех, кто привык начинать чтение подобным образом:

Полный успех приложения экспериментального метода к гуманитарной проблеме!

Переворот в понимании всемирно известного литературного произведения!

Великий человек мистифицировал мир!

Мистификация или шифровка?

Загадка гения раскрыта по открытым классическим источникам!

Учёные не подозревали подвоха!

Скандал в мировой философии!

Прореха мировых академических исследований!

Предстоит «обычное»: «невозможно» – «что-то есть» – «всегда так было»!

Учёные «погорели» – надежда на простое здравомыслие!

Раскрыта причина небывалых плагиаторских скандалов!

Читатель сам доказывает себе истину, перед которой спасовали корифеи!

Первое экспериментально-философское расследование увенчалось успехом!

Русский национальный «Код да Винчи»! Но вместо спекулятивной поделки – реальное интеллект-приключение!

«Вещный» результат!

Книга, необходимая каждому в России!

Какого ещё литературно-философского рожна на мировом уровне?!

Немцы ликуют! Они-то с какой радости?

Все тридцать мировых экранизаций великого романа отныне лишь предварительные этюды!

Интеллигенция прошляпила «Анну Каренину»!

Пари на женщину – кто такая «Анна Каренина»?

За Анну Каренину себя выдавала другая женщина!

Найдена идея русского духа!

Русская идея скрывалась за полотном великого художника!

Толстой – в шаге от разгадки!

Эту книгу ждали все!

Отставной Горной артиллерии подпоручик граф Толстой:
«Слушай... приказ! Штыки в землю! Конец гражданской войне!»

На дальней «Станции»...

Наноповесть

«...Львов рассказывал о Блавацкой, переселении души, силах духа, белом слоне, присяге новой вере. Как не сойти с ума при таких впечатлениях? Шил сапоги...»⁰

Толстой. Л.Н. «Дневник» 18 апреля 1884.

«Что там было у Ильича о многоукладности российской экономики?»¹ ругал? А господа либеральные экономисты? Всё, всё надо проверять...». Летнее заполярное солнце неспешно кружилось, просвечивая поочерёдно полотняные бока палатки. Зато к спальнику можно было пробраться, не тревожа усталых артельщиков: «Тоже..., «многоукладность», однако!». Солнечные зайчики прыгали в жёлто-зелёный сумрак при каждом колыхании краёв входного полотна, но здоровая усталость прихлопывала одну за другой мысли, так же перепрыгивающие в голове, стоило лишь закрыть глаза: «Забавная штука – эта многоукладность! Ну, куда сгущёнке – супротив молочного стада?».

Аспирант-заочник нырнул в прохладу спального мешка. Имя? Зачем же? Чем здесь может помочь формальное родовое имя или даже гораздо более ответственное племенное, вроде, например, Сметливого Бобра? Ведь в любом случае

имя его ничего ещё не значит в науке В этом бесплотном мире идей, однако, присутствуют вполне действительным образом – публикациями. И даже наращивают «научные мышцы» их числом! Согласны ли с этим сами учёные, которые открытие, даже «изложенное на салфетке», не путают с многотомными компиляциями? Да их никто и не спрашивает. Кому надо – знает «гамбургский счёт», а чиновной администрации так проще и удобнее. Кто мог ожидать, что эта простота, которая хуже воровства, обернётся удавкой на репутации всего почтенного сообщества, когда опубликованные и защищенные подложные диссертационные научные работы станут наполняться ядом смыслового к ним безразличия? Начиная с самих сочинителей, так и допустившими к официальному признанию.

Его достаточно юный возраст обусловлен ведомственными положениями. Внешность... – самая невзрачная внешность рано или поздно упразднится чьей-то восторженностью, да что говорить! Аспирантов можно различить только по их диссертационной теме. Ничего интересного....

Мысли в его сонной голове сумбурно перемежались с картинками прошлого и впечатлениями дня.

1.

Неважно, как это было вначале, но обобществлённые ещё «при советах» бурёнки сбились в более крепкий колхоз, чем

сами люди. Прочие поморские промыслы захирели, «село-образующим предприятием» осталась одна молочная ферма. Там и работали, прикипевшие к хозяйству, потомки вольных рыбаков. Остальные, образовавшись по способности, нанимались обслуживать научную Станцию. Кстати, слово «учёный» (теперь, когда с ними окончательно «разобрались», уже можно сказать?) никогда и не воспринималось слишком серьёзно. Во всяком случае, общественное сочувствие навеки было отдано интеллигенту: «непременно настоящему, русскому». Без официальной поддержки, хотя бы, как «военный» имеет в «военнослужащем», это нарицание – культурный пережиток, затёртый текучкой. Ныне, ему самое «имеет место быть» только в здравицах околonaучной бюрократии.

Но живо ли ещё Гоголевское, что «выражается сильно российский народ»? Тем паче, что слово это ему самому надобно: «как же, мол, звать-то, вас, касатики?». Так знайте, что слово это давно придумано, и слово это – «научник». И ведь хорошо! Есть в нём на «бла-а-родном происхождении» та самая мера зубоскальства, которая и признаёт за сущее, да, одновременно (ударение на второе «е»), замечает зело натужное пребывание этой штуки в русской жизни. Есть и насмешка к часто заметной ремесленной неумелости, и сомнение, сомнение, сомнение...

«Нет, всё-таки... – соображение никак не «глохло» и жаждало проясниться. – Так..., я уже в должности младшего научного сотрудника. И буду я так «трёхсложно» корячиться,

когда спросят? Не мной придумано: на самом-то деле, я – «мэнээс».... «Легко ли быть мэнээсом»? Ладно ли постоянное трепыхание в сознании такой квазисмысловой аббревиатуры? А ведь по международной квалификации было бы просто и понятно: «researcher» – исследователь. Вроде бы нечего стесняться.... Это – во-первых. А во-вторых, доберись я когда-нибудь до «настоящего учёного», что значит, опять-таки – «учёный»? Английское «science» произошло из простого латинского «scio», вполне многозначного, как это и бывает с обычными словами: «могу-знаю-понимаю». И в английском, «science» долго сохраняло ещё и значение «ловкости» спортивной и ремесленной. Получается, что «scientist» изначально имеет оттенок здорового житейского «рукомесла», когда появилось на свет в 1833 году. Английский философ и «науковед» Уильям Уэвелл предложил, наконец, покончить с утомившей всех «дурной бесконечностью» учёных специализаций каким-то общим названием их занятий. То есть для всех, кто занимается «естественным» или «экспериментальным» изучением природы, любит наблюдать, умеет задавать вопрос о явлениях и систематически их увязывать. Он взял за образец слово «artist» – общее и художнику, и музыканту, и поэту, предложив слово «scientist» как такое же здоровое обобщение.

Но как же супротивен этот ловкий смекалистый «scientist-знайка» – чему-то наученному «учёному»... да хоть бы и... тому самому коту из Лукоморья! В русском языке слово

«artist» не удержало художников и поэтов, присвоив музыкально-драматическую часть, но полностью соответствует его духу, счастливо избежав всякого снобизма. Бывают артисты-дети, а бывают «заслуженные». И это хорошо. Но чрезмерное трепетание перед грамотностью и книжным знанием, подобравшееся в малоподвижном, вальяжном, неуместно кондовом слове «учёный» – ещё одна причина...» – и тут он заснул.

2.

Главное здание «Станции» имело вызывающе открыточный вид в старинном скандинавском стиле. Но его безупречная подлинность, подчёркнутая деревянным остовом классической зверобойной шхуны у заброшенного старого причала, доводила градус впечатления дальше некуда. Оно словно выросло на высоком каменном цоколе над заглаженными ледником базальтами укромной морской бухты. Башенки и эркеры, проступающие там и сям вплоть до островерхой крыши, сбивали пересчёт этажей. Не разобраться было и внутри. Многочисленные углы и закуты заняты аппаратурой, а огромные шкафы вдоль коридоров – набиты традиционным коллекционным стеклом, полным непонятного для дилетанта содержания. Отсутствие чиновничества «как класса» (единственный администратор поселения – тот же бывший сотрудник Станции, внедрённый резидентом) означа-

ло и отсутствие презентационных излишеств и, значит, бездарной потери отапливаемых квадратных метров. Скудные остатки незанятых стен отданы прославлению корифеев-основателей. Портреты в манере «Пржевальский на верблюде» отображали эволюцию способов путешествия и постепенное преобразование «биостанции» на краю тундры у северного моря. Как-то через неё проложили трассу геологи; а затем повезли оборудования, чтобы далеко не тащить собранные образцы. Что-то смонтировали физики-коррозионщики, а за ними и прочие... «мизики». У них был потешный ретроэкспонат «доспутниковой» эры – телевизор, острословами именуемый «РД». Разумеется, всё тот же «Рекорд Дальности», кому-то понадобившийся для приёма случайно долетевшего «блуждающего» телесигнала. Излучая своими лампами почти живое жёлто-красное тепло, никогда не лишнее на севере, он представлял собой реализованный взрыв электронного мозга. Никакой коробки, только колба кинескопа, установленная на груде каскадов усилительных контуров, подстроечных фильтров, настроек чувствительности, чьё назначение было даже не в реальной, а теоретической борьбе за проценты улучшения приёма. Тем более, что бурно обсуждались даже не телепрограммы, а хоть мало-мальски упорядоченные помехи, на уровне осциллографических сигналов.... Отдельно, где-то снаружи среди растяжек метео и прочих, прилагалась «комплектная» антенная мачта.

Исследователи моря на экспедиционном судне закладыва-

ли свои «разрезы». Желаящие не покидать спокойных вод бухты оживляли пейзаж за окном снующим маломерным флотом. Одержимые «водобоязнью», как «мокрецы» именовали неумеренно страдающих морской болезнью, могли теоретизировать, не покидая суши и не опасаясь штормового предупреждения – всякий занимался своим делом.

3.

Но... не была ли, скрытой опорой этого многообразия «научниковской жизни» здесь, в тундре, эта самая молочная ферма? Доступность ненормализованного молока (для тех, кто понимает), сметаны, творога, переводили условно оседлый экспедиционный экстрим во тьме долгой полярной зимы в житейский кругооборот. Ещё бы! С этим достатком ни от жён, ни от малолетних детей избавляться не было никакой необходимости (в смысле – вывозить, а не то, что Вы подумали). И самые-самые молодые специалисты могли немного задержать свой обычно стремительный отъезд. Пакет рассчитанных «по норме» талонов «молочного содержания», вручался торжественно, с внутренним идеологическим смыслом, которого не было у зарплатовских дензнаков, годных «лишь» для продуктовой лавки.

«Молокарка» – место раздачи, куда по погоде, снаружи или внутри, выстраивались с банками, колбами, чуть не ретортами, тоже была местной достопримечательностью.

Именно к ней в условленный час, с неумолимостью «литерного», со стороны высоких сопок, вздымая белые буруны летящими из-под гусениц снежными вихрями, выныривала «не наша» ГэТээСка. Человек в зелёном бушлате без знаков различия, вооруженный одними бидонами, покорно замирал в демонстративно культурной очереди.

Впрочем, об их присутствии можно было догадаться, включив в любое время радиоприёмник. В нём равнопериодически, в источнике чего не приходилось сомневаться, вздымалась гнусаво гудящая амплитуда.... Иногда ночью (если это была «ночь»), это самое пронзительное гудение раздавалось прямёхонько в спящей голове. Отвергая лженауку и принудпсихиатрию, нет ничего, что более походило бы на «таинственные лучи», забредшие «пошарить» по земле.

Но как раз земли-то обычно и не было видно! Лаборатории в один этаж заносило полностью и ко входу приходилось прокапываться на полный рост. Хорошо выручают деревянные мостки, но не стоит с них спрыгивать даже по прихоти. Свежевыпавший, глубокий снег бывает настолько рыхлым, что одному в такой ловушке можно так долго беспомощно барахтаться, что лёгкий испуг заполощется в сердце, пока обомнётся этот замороженный «воздух», чтобы «подгрести» на полтора-два метра и ухватиться за помост. Но если ты молод, а над головой в ясном ночном небе колышутся розовато-зелёные сполохи Северного сиянья.... Заманить туда командированную неопытную молодую научницу «из цен-

тра» – это очень смешно, разве нет?

4.

Хотя серо-белый типовой, приземистый коровник находился на окраинной сопке, но был хорошо виден отовсюду. Само же стадо ничем себя не обнаруживало, пока не наступала местная «Памплона». Летом приходилось вспомнить о том, что ближайший выпас приходился по другую сторону посёлка. Стадо прогонялось по единственной дороге и от любопытства неизменно разбредалось. Проходившие одиночно и гуртом чёрно-белые, пятнистые коровы с их тяжёлым выменем мирно пользовались правом прохода всюду. Но пара быков, сменивших привычное стойло «на солнце и травку» испытывали такое радостное возбуждение во всех членах от тепла и свежего морского ветра, что, естественно, и причинный член их собственного существования принимал соответствующий вид, а это зрелище способно всякого привести в замешательство. Это не «собачья свадьба», от которой можно отвернуться, ханжески нагнать участников, глумливо посмеявшись.... Зрелище огромного обнаженного «бича» под невыносимо мощным телом и ошалелой, беспокойно раздувающей ноздри головой, было бы ужасным, если бы не железное кольцо, продетое в эти самые ноздри с цепью, «беззаботно» переброшенной через плечо пастуха. Кто знает, о чём думали женщины: ученицы и лаборантки, глядя из окон

на обтекающую их вакханалию «предчувствия любви»? Но мужчины как-то заметно приосанивались, отдавая моральный долг намёкам природы.... Во всяком случае, обычное «делопроизводительное» сообщение прерывалось, пока выгуливающийся скот не скрывался из виду, поднимаясь по извилистой дороге между сопками и озерцами.

5.

Каким-то чудом, по случайному поводу, зацепившееся за жизнь крестьянское хозяйство, и, казалось бы, ничем не связанный с ним, кроме бухгалтерских перечислений – «горний» научный мир. Граница, конечно, была, и она порой обнажалась, как обнажается при отливе каменная гряда на отмели.

Научники по праздникам собирались в харчевне под повсеместно принятым тогда, а ныне оставленным общепитом, названием «Столовая» Как закономерно выпало из обихода и стало неподходящим это немудрёное слово! Как в слове «кушать» теперь неумеренно много сиропу, так и «столоваться» – по-старинному согрето семейным, товарищеским или артельным общением. Но вот формальное «советское товарищество» общепита..., очевидно, что срезалось в этом названии. Как случайный «приём пищи», это слово грубеет, теряя сокровенную теплоту.

Поморская молодёжь непременно собиралась к меропри-

ятию и была так представительна, что возникало ощущение римских Сатурналий грядущего переворота – кто, в конце концов, является исконным хозяином здешних, так сказать, угодий? Но, благодаря просветительскому прогрессу и здоровым общественным инстинктам, укрепилась добрая традиция: в нужном градусе неофициальной части разделяться на два отдельных весёлых поезда. Одних автопилот выводил на сугубо теоретические споры, воспаряющие в бесконечность. От других требовал немедленного разрешения всех прошлых обид и недоразумений одним размашистым «торцеванием». Укоренившаяся традиция не смешивать два этих добрых обычая – явилась подлинным цивилизационным чудом здешних, высоких во всех отношениях, широт.

Очевидно, на ферме были и скотник и дояр, но на посторонний взгляд – силовой дизель, доильная, тракторная и прочая грузовая техника безо всякого остатка всех перевела в механизаторы. Особых «пейзан» для сельхозработ не замечалось. Поэтому не случайно, что приходил срок, когда «деревенские», крякнув, отправлялись за помощью к «научниковским». Ну, и как тут не скажешь, что не купить счастья за деньги! Или одни только деньги.... Жизнь не позволяла замкнуть эти отношения одними только денежными расчётами.

То плотный морской туман толстым одеялом накрывал берег: казалось, ещё чуть гуще и со стороны вытянутой одной руки не увидеть пальцев другой. То несколько шальных

туч весь день гонялись друг за другом и брызгались дождём, даже не озабочиваясь загородить солнце. Короткое северное лето из-за погодной чехарды отказывалось сушить сено и его приходилось завозить. Но совершенно необходимый силос заготовить было можно. Только вот своими силами «деревенские» это сделать никак не могли: недели за две забить силосные ямы – было «научниковским» вкладом в общее дело. А громадный молокоарский КРАЗ делал столько ходок к тундровым распадкам (откуда его с огромной наваленной травяной копной заботливо вытягивал заранее переползавший туда гусеничный трактор), пока эти самые ямы не заполнялись.

6.

Понятно ли из этого, что (!) на Станции, духовно питаемой потоками завозимой научной периодики – означало слово сенокос? Сколько раз, еще при стремительно застаивающемся «развитом социализме» приходилось отрабатывать трудовую повинность партийно-административных игрищ! И, всякий раз, это было унижение с подразумеваемым вопросом: неужели квалификация не способна возместить отсутствие на очередном месте хозяйственного прорыва: уборки (с/х), переборки (с/х), перегрузки (с/х)? Но здесь, на краю земли, куда и дороги-то не было, кроме как по воде (иначе, какая бы это была «Станция»?), эта работа имела оче-

видный и подлинный смысл: сенокос не переживался, как трудовая повинность. Не понимать, не чувствовать значение молокарки для Станции было невозможно. На время травяного десанта начальники старались не назначать экспедиций, а сотрудники не злоупотребляли отпусками. Привычный к экспедиционному быту «интеллектуальный контингент» к урочному времени травоспелости сознательно и добровольно выставлял трудотряд. И всё-таки, всё-таки — что отделяло нас от («свят, свят...») ... троцкизма? Смутной, забытой тенью, он осенял даже обыденные студенческие стройотряды, таясь в складках коммунистических знамён. Несмотря на внешнюю благопристойность оплачиваемого труда, некоторая горечь от обязательности административного принуждения сдабривалась только беспечной молодостью.

И вот надо было своими глазами увидеть такое почти невозможное чудо — труд, окончательно освобождённый от всех условностей: личных, профессиональных, частично даже иерархических. Он определялся лишь безусловным общим желанием сохранить то, что никак не могло быть сделано иначе. Как бы архаично это не выглядело по прописям навязываемых учёными-формалистами экономических схем, сложилось, не предусмотренное никакими предварительными соображениями, равновесие. При малейшей попытке хозяйственного насилия в виде обязательств этот союз был бы обречён. Объединить формально в одном канце-

лярском распорядке столь различные уклады было бы совершенно невозможно, как и демонстративно ставить в очевидную зависимость друг от друга. Только достоинство самостоятельного выживания, но... с благодарностью за помощь.

Одним постоянная жизнь «на свежем воздухе» позволяла регулярно получать, если не революционно оригинальные, то хотя бы «свежие» данные, чего хватало на две обязательных годовых статьи формального отчёта, не отрываясь от монографического «дела жизни». Других, Станция, в свою очередь, оберегала от дежурного обвинения в бесперспективности, с последующим разорительным переселением в посёлок городского типа под предлогом очередного «улучшения жизни трудящихся». Ферма не только кормила, но и сохраняла человеческое достоинство бывшим общинникам в их образе жизни, который и для ученых был «архизначимым».

7.

Если присмотреться, полевая жизнь молодого «ученика» имеет много черт самого, что ни на есть, пролетарского, сверхэксплуатационного с точки зрения трудового кодекса, труда. В отпуск его не выгнать. Соблюдение нормированности труда идёт только за освобождение от административного распорядка дня для свободного: «а вот теперь, когда, наконец, никто не помешает...». Кто учитывает вес рюкзака с

образцами? количество авралов погрузки-разгрузки? Изобретение, изготовление, ремонт оборудования?

Но такое полное освобождение труда от всех предварительных условностей обоснования и только по воле общественной необходимости, было, всё-таки, уникальным. Легко заметить, насколько действительна истинная, очевидная необходимость. Что всё тогда управляется легко и просто. Соседская помощь на пожаре, аврал разгребания дорог и путей после снегопада... Беда только в том, что народ привычный к неудобиче жизни только особо горькая нужда обеспокоивает взаимопомощью объединять усилия. Обратная сторона достоинства житейского долготерпения —...политическая бесчувственность.

Очевидна необходимость преодоления стихии. Но в политике под видом необходимости для получения власти над «заединенной» толпой в ходу незамысловатый «поиск внешнего врага». Но это не политика, а политиканство. Если политик стал корыстен, самозвано-бессилен или изжил понимание верной цели, что бы это ни было, то из политиков он переходит в политиканы и обществу приходится дорого платить за ложные цели. Право на политическое управление — в преходящей, увы! способности понимать конкретно необходимое.

8.

Даже начальникам по «засенокосной жизни» не приходило в голову беспокоиться о дисциплинарном учёте каких-либо трудодней из-за совершенно сознательного переживания «массой» своего энтузиазма. Но новичков ждала метафизическая заковыка, где никак не ожидалось подвоха.

Добравшись громыхающими бортами трёхосок по вседорожней летней тундре в «луга», разом ставился бивуак. Без обычной заботы об установке научного оборудования это не занимало усилий. Дольше проходило собрание с назначением условных звеньевых и безусловной припиской к специальностям из... «количества двух».

Внезапно труд обернулся сущностной стороной, натуральной философской экзистенцией: «тварь ли я дрожащая или право имею...»? Культурная, заведомо лишённая предрассудков «научниковская масса», вдруг стала делиться не формально, а с претензией, обидой или выражением торжества. Образовались неравные, то ли касты, то ли классы: «косарей» и «грабарей». И значения этого нельзя было не ощущать, ибо такова была действительность!

Косари – «первые номера», их выработка определяла итог дня. Привилегия самому закладывать прокос... есть в этом какое-то землепроходческое удовольствие свободы воли, что ли. Зато приданные силы – грабари, подтягиваясь по мере

необходимости, вполне могли наслаждаться беспечностью, с условием не оставлять «хвостов». Как говорится, шанс был дан. Но возможен ли интеллигентный труд без рефлексии?

Наконец, дежурный наряд захлопотал у полевой кухни.

— Куда записался? — дотошный заочник повалился в отдалении на травку, где приятель сосредоточенно ковырял ножом берёзовый туесок. Этот заезжий аспирант-очник был одержим идеей промыслового ножа народов севера. Свобода академического окружения позволяла ему не расставаться с висевшим на поясе в расписном чехольчике очередным вариантом самого правильного, универсального, этнографического ножа всех времён и народов. Никого не смущал болтающийся на виду нож, наоборот, предмет, воочию предъявлявший непосредственную за ним идею, казался и уместным и совершенно безопасным. Идея подогревалась её непрерывным употреблением: перемежалось постоянное заострение клинка до «невероятной» остроты заточкой о всевозможные подворачивающиеся поверхности и ковыряние им всего деревянного.

— Само собой на подхвате. Да и в руках не держал. — Он резко выдул стружку и недоверчиво глянул. — Да ты ли козась?

— Пока — самозванец.... Но знал бы ты, какой сыр делает моя тётка!

Было бы славно как-нибудь в отпуске оставить для её коровы добрый стожок, — воображаемый хор родственного

одобрения выразился в мечтательной улыбке.

– «Значит, корова есть»?... Бог в помощь, а то, давай к нам... – очник оторвался от туюска и внимательно посмотрел на происходящее под столовым навесом. – Но что за дискуссия насчёт «косарей»? Признаю, есть в этом нечто античное, прямо – платоновская академия, отвлечённая тема на лоне природы...

– П-а-а-звольте! – общее собрание, действительно, с особым удовольствием обсудило то, что потом заносится секретарём в «разное», и запоздавшие аргументы всё ещё рвались наружу: – даже школьная программа позволяет полностью определиться! У Алексея Кольцова есть и просто «Косарь». Да за тот же 1836-й год есть и «Цветок»:

О, пой, косарь! зови певицу,
Подругу, красную девицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронул ты травы степной!

– Да и раньше, «Не шуми ты рожь» от 1834-го:

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

– Допустим.... кажется, блеснули миски... – это наблюде-

ние придало следующим словам приятеля особую убеждённость, — но как быть с «самим» Толстым? У него-то — «косцы»! — добавил он, торжествуя, глядя в том же направлении. — Впрочем, предлагаю компромисс...ную фигуру, тоже... почти Нобелевский лауреат. Или в ваших сенокосных кругах не любят Пастернака?

— Вот именно, что в одном «Ветре» у него двуручнически есть и «косари»: «... И кровь на ногах косаря...»; датам же и «косцы»: «... О косы косцов, об осоку...». Да разве хорошо? Как сказано в одной старинной мудрой книге, мол есть время вывести из фокуса и время наводить на резкость..., что-то в этом роде. То — превосходно, то — подвохи, особенно в переводах. Как-то слишком «по мотивам» и без возмещения смысла.... Послушай, что говорила о Блоке его тётка...

— Да у тебя «рояль в кустах»! А помнишь, как у тебя из походного рюкзака вывалился толстенный том «Философских тетрадей»?!

— Уж вы надо мной поизгалялись! Но надо же было как-то заставить себя продраться через это занудство, как не избавлением от лишней тяжести: «по прочтении — сжечь»²

— Растопка была славная! Она начинала искрить ещё до разжигания костра, при одном обсуждении очередного листка...

— А то..., вот: «Блок очень любил физический труд. Была у него большая физическая сила, верный и меткий глаз: косил ли он траву, рубил ли деревья или рыл землю — все выхо-

дило у него отчетливо, все было сработано на славу. Он говорил даже, что работа везде одна: «что печку сложить, что стихи написать...»,³ – если этого недостаточно, тогда:

«Он с огромным уважением относился ко всем видам и формам труда... Ладный, высокий, неутомимый ходок, он спокойно и естественно – без интеллигентского кокетства – орудовал молотком и пилой, топором и лопатой. Блок с теннисной ракеткой – непредставим, но всякую физическую работу он делал так, как делает ее русский человек – «золотые руки». Блока раздражала отвлеченность, физическая неспособность интеллигентов, возводимая к тому же в ранг добродетели»⁴

– Но причём тут Блок?!

– Взгляни-ка, на этот самый «Ветер». Ведь он и посвящен Блоку:

Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг.
Пора сенокоса, толока,
Страда, суматоха вокруг.
Косцам у речного протока
Заглядываться недосуг.

Косьба разохотила Блока,
Схватил косовище барчук.
Ежа чуть не ранил с наскоку,
Косой полоснул двух гадюк.

Но он не доделал урока.
Упреки: лентяй, лежебока!
О детство! О школы морока!
О песни пололок и слуг!

А к вечеру тучи с востока.
Обложены север и юг.
И ветер жестокий не к сроку
Влетает и режется вдруг
О косы косцов, об осоку,
Резучую гущу излук.

О детство! О школы морока!
О песни пололок и слуг!
Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг

Размерно-звуковая, «спекулятивная» сторона этой поэтики превосходна, но как насчёт содержания? Невозможно отделаться от впечатления, что в посвящение Блоку вставлена цитата из него самого. Не случайно же слышится скрытая отсылка на начало первого стихотворения из книги «На поле Куликовом»; не буквально-ритмическая, но вполне заметная в образах: «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...». Осознанный или нет, привет от поэта поэту – почему нет? Но происходят странные смысловые aberrации.

Блоковская река – это конечно же Дон. Раскинуться во всю

ширь ему не зазорно, «атрибут» ширины при нём. Но... речка? Речка и с чрезмерным усилием в образе может раскинуться разве только прихотливыми изгибами своего русла. Что уже противоречит блоковскому образу чуть не пародией. Поэтому Пастернак объединяет «речку» с «лугом» и говорит: «раскинулись». Будто бы ладно?

Но и простое объединение с лугом, составляет диссонанс, «раскидываются» они опять-таки не сочетаемо, по-разному, геометрически, по крайней мере.

Следующая строка: «Страда, суматоха вокруг». Суматоха хорошо подходит к слову «праздничная», некоторый радостный беспорядок не испортит, даже добавит веселья, но подряжать суматоху к организованному страдному труду? Это прямо пасквиль какой-то....

От следующей строки не легче: «Косцам у речного протока Заглядываться недосуг». Ещё и проток! Откуда и куда?! Гидрографическая сеть для одного стихотворения явно перегружена какой-то непомерной оросительной системой! Во-первых, это та же речка или новая протока (новый проток?)? Двух рек, пожалуй, многовато будет... Но проток, в свою очередь, как-то не вяжется с небольшой своей длиной, чтоб ему-то пораскидываться-то.... Во-вторых, что ж это за работники, о которых нечего сказать (другого неизвестно), кроме как, что они первым делом собираются глазеть по сторонам.... Чай, не на прогулку вышли?

А эти две следующих строки: «Косьба разохотила Блока,

Схватил косовище барчук»? Прямо для ролевой компьютерной игры, где «поворот» истории зависит от предварительного хода с тем или иным выбором. Наиболее вероятных толкований действий «барчука» два:

– простое и логически неловкое, что для имеющего философскую выучку Пастернака даже странно: Блок по прихоти, ни с того ни с сего, «схватил косовище» – косьба его взбудоражила и он «немного» набедокурил. А на самом деле показал полное неумение и отсутствие сноровки. «Наскакивать» при правильной косьбе совершенно невозможно; гадюку, если и подцепить, «полосовать»? – это уже дикость какая-то.

– или он-то как раз и есть, тот, кто, праздно наглядевшись на глазастых косарей «разохотился» и.... Кстати, имело ли слово «барчук» хоть когда-то неотрицательный оттенок? Если – да, то не для советского читателя.

Кстати, до покоса ещё надо дойти, это намотаешься, как... на поле для гольфа без тележки. А чью косу он схватил? Какой крестьянин захочет отдать необходимый, легко повреждаемый инструмент в баловство? По таким событиям здесь должны разыгаться просто Шекспировы страсти: глупый неумеха-барчук отнимает у злосчастного крестьянина «кормилицу». Тот трясётся от страха, что великовозрастный дуралей сорвёт работу, да, судя по его «приключениям», к тому и дело идёт. Затем следует неизвестно чей менторский выговор: «Но он не доделал урока. Упреки: лентяй, лежебока!», загоняющие «оболтуса» в дом. Он что же, плёлся за

ним на неблизкий покос и там, под предлогом взывания к совести ученика, спасал имущество крестьянина от неразумия недоросля? Просто фантазмагория какая-то разыгрывается в этой воображаемой портретной сценке.

Есть в этом стихотворении высокоценное сугубо поэтическое крещендо, но подход завален стольким смысловым хламом, что хорошей эту работу не назовёшь. Всё здесь набекрень за что ни схватишься, хоть за «косовище».... Косовище настолько существует только как часть косы, что никак не может замещать её не только в смысле слова, но даже в звуке, настолько эта «косовищная коса» несообразна!

Получается высокого поэтического качества... халтура, в лучшем случае, поэтически качественная графоманская вариация. Но самое скверное, что это посвящение противоположно духу Блока, как человеку глубоко понимающему единственную правду всякого творчества: святость исполнения труда единственно должным образом. Он же говорит: «работа везде одна...». Что стихи, что печка – одна высота. Для тех, кто понимает, конечно.

А если ещё прибавить замечание той же Бекетовой: «Животных любил он до страсти. Дворовые псы были его большими любимцами. Глубокую нежность питал он к зайцам, ежам, любил насекомых, червей и прочих гадов, словом – все живое. (И это осталось на всю его жизнь)».

Какие гадюки?! Какие ежи?! Да простой косарь всегда заранее пошумит в траве, чтобы разбежалось зверьё.... Всё

свойственное личности Блока вывернуто наизнанку. В лучшем случае, в безразличии к сущности ради внешности. И после этого искать в нём неперменного защитника Мандельштама? В словах «того» знаменитого телефонного разговора слышится другое.... А утренние дебаты, ты не услышал, прицепились к чьей-то шутке «подросткового гумора»: косцы – сосцы!

Ну, наконец! Мы резво вскочили на призывное маханье дежурных кашеваров. Внимательно слушавший приятель на последние слова закатился смехом:

– Сеанс психоанализа – только после обеда!

9.

Тундряные покосы – не заливные луга, которые хорошо выкашивать в ряд. Большие участки в пойме реки на нескольких человек зараз были удачей. Обычно это небольшие лужайки, поросшие хорошей травой, в распадках или в крохотных рощицах, укрытых грядой высоких ледниковых валунов. Они то соединялись, прихотливо переходя одна в другую, то замыкались, так что важно было ещё не потерять всегда не лишней охапки. По этим «коридорным» условиям и литовка была на шесть-семь кулаков, что твой багор, а не коса! Но зато с ней можно было обойти и ямку, и кочку, и успеть увернуться от «наскочившего» из травы камня или зацепистой коряги.

И вот перед теми, кто по любопытству или «идейным» соображениям с прошлого сезона хотел перейти в трудовую «элиту», вставала первая задача – орудие. Грабари не испытывали недостатка в выборе инструмента, включая справные вилы – только работай! «Первым» же был оставлен брезентовый свёрток, в котором оказалась груда заготовок, из которых и «с батарейками» никак не вышло бы полного комплекта. Полосы железа, длинные палки – косовища, связка алюминиевых колец, несколько деревянных обрубков.

Научница из вольноопределяющихся подошла взглянуть. Стройная, но в приятном контрасте к геометрической прямизне с собой привезённой косы. Она (уже не новичок), как раз достала её из самодельного чехла. Её приготовления носили неуловимо-соблазняющий оттенок рекламного ролика «спорта миллионеров». Она по-кошачьи поворошила носком сапожка груду косовищ, промурлыкав: «Ну, что, мальчики, успеете?». Это был вызов! С появлением этой девицы, тоже, кстати, аспирантки, новые оттенки стали проглядываться в производственном ритуале сельхозработ. Наш заочник теперь был обречён искать глазами её фигуру в безупречно-индижных джинсах. Если иногда в безветренные дни её свободная светлая блуза скрывалась под отбивающей гнус толстой штормовкой, то заметная пёстро-синяя шёлковая косынка на выбивающихся прядях светлых волос, всегда позволяла загодя подготовиться к встрече. Неужели что-то ещё нужно для счастья?

Положение новеньких было бы безнадежно, но часть «экспертов» полагали правильным всякий раз начинать дело «от сотворения земли». Обычные приёмы нашего коллективного труда подразумевали с окончанием предыдущего сезона свалить косы в общую грудку, из которой только малая часть возвращалась обратно.

Но чтобы заготавливать зараз по несколько пудов травы, коса должна быть удобна. При всей внешней простоте, определение «персональная» она заслуживает, как никакой другой из инструментов, ну никак не меньше компа! В ней не только антропометрический промер хозяина, но в угле захвата даже его скрытый силомер. Возможны, конечно, совпадения, но из чего выбирать? Всё это быстро стало выясняться во время сборочного перформанса. Как только подходящие косовища были разобраны, «безлошадные» претенденты, прикидывая по руке, разбрелись по зарослям. Вскоре оттуда послышался, перемежаемый стуком топора, выхруст древесной поросли.

Зевать было нельзя: оставшим было бы не догнать скупого на пояснения, почти бессловесного урока. Да и успеть-то было возможно только тем, кто по жизни не пренебрегал азами ремесленничества. Как во всяком деле человеческой изобретательности, изначально невозможно представить, как из всякой ерунды: палки, обрубков, плющеного же-

леза, вдруг получается чудо-приклад преодоления очередной косности природы. Невозможно рассказать, мало видеть, это надо переживать физически. Повторять движение за движением, расставляя безмолвные вехи соображения: почему можно только так и нельзя ли всё-таки иначе?

— Заваливай комель косовища....так..., теперь приладить горбыль: через кольца — бей клин! — «эксперт» (кстати, со степенью) бросил охапку нарубленных корневищ в кипяток, который парил в большом казане.

— ... что? Подрезай, да гни! Теперь выставляй рукоять под пуп, для чего-то он нужен? Затягивай... Что, всё? А железо?

Наковаленка из обломка рельса была только одна; теперь новобранцы могли передохнуть, разглядывая способ отбоя. Предъявившему «снаряд», вручался отличительный знак — новенький точильный брусок, который оставалось только вложить в подвязанную к поясу рукавицу.

И вся эта гонка на сообразительность ещё ничего не означала. Всё решалось в утренние часы первого дня, пока неопределённый распорядок, неспешность завтрака, давали единственную возможность, после укромных тренировок укусов, предъявить себя в новом качестве. Нужно было, пристроившись к ряду, пройти его ровно не отставая и ни в коем случае не разбросать травы. Завистливые к рыцарской славе в глубине своих, беззаботных с виду, оруженосных душ, грабари зорко следили за исходом турнира. Они тут же поднимали неумеху на смех и как черти уволакивали

его к своему нехитрому промыслу. Своими мокрыми спинами они ощущали перекося в балансе «популяций»; тем более, не хотели зазря носить по закоулкам за плохо скошенными клочками травы, лишаясь святых минут перекура. Пропорция должна была установиться «де факто».

11.

Ночи не было – её заменяла только тишина с шелестом ветра, в котором не было дневных звуков присутствия человека.

– И зачем так цепляться за этот марафон? Самоутверждение «лично-исторической реконструкции»? Спортивный зуд? Упрямство? Всего понемногу и в то же время... Косьба, всё-таки, необычная штука. Всё тут особенно: изготовление – под себя, навык – свой, сам труд – не без удовольствия куража. Но как «приложиться» в несколько подходов? Как труд необходимый, никто ему и не обучается: как получается, то и ладно. Но сейчас надо было сразу показать квалификацию, которой не было. Да, так уж ведётся на святой Руси, что большей частью и по любому поводу, приходится сизначала... сразу всё знать самому, а откуда – пёс его знает....

Теперь, потрянув и вывесив на руках несуразно растопыренный, но упругий и крепкий снаряд, надо было припомнить любое подходящее, пусть и мимолётное впечатление.

Хоть из окна «скорого» дальнего следования на хозяина козы, который, пережидая у переезда, оставил её у тележки с ворохом свежескошенной травы, а сам наспоро выбривает зелёный клочок у насыпи. Но собственные наблюдения научник приучен соотносить со всей теорией предшественников (неприменно упомянув их в «списке литературы») и лишь потом вынести обоснованное суждение.

Беда только в том, что среди невообразимого множества спортивных руководств наставления по косью не найти! Неразрешимая коллизия: нет крестьянского труда более похожего на спорт, и тут же – совершенно ему противоположного! Чем лучше луг, тем менее он спортивен. Чем дороже будут фирменные косы «Атомик», тем нелепее будет выглядеть деревенский кустарь, хотя без него вообще ничего не может быть. Скорее уж кролики начнут уважать триммерную сечку! Но в закоулках начитанной памяти бродило смутное ощущение подсказки, где верховодил некий старичок, как в какой-нибудь китайской притче о единоборствах. И было же... нечто такое... знакомое... да вот же оно!

12.

Оказалось, спасительное руководство есть в походных библиотечках самой рядовой комплектации, даже судовых. Особенно – судовых! («каковые», обычно, ужасают). Книга настолько классическая, что слава её неколебима с мо-

мента появления, а забвение не суждено. Только вот глубина интереса находится в прямой зависимости от уровня, что называется, морально-политической подготовки. И отзывы также могут быть: от восхищённых — «о любви», до возмущённых — «о падшей женщине, которую низкая страсть заставила пренебречь долгом к мужу, любовью к сыну».... И не сразу вспомнят о помещике, который не только увлечён хозяйством, но и стремится к душевной близости в семейных отношениях. Что там рядовые читатели, если все как один, кинорежиссёры, берут эту часть лишь фоном к трагедийной яркости (как они полагают), части основной! Допрежь и всегда, в первую очередь, этот роман остаётся повествованием о трагической судьбе «несчастной». Надо ли разубеждать их? Художнику не зазорно увлекаться созданными образами. В этот раз он сказал много такого о женщине, что и читатели получили неустрашимый перекося в сознании в чувственное восхищение.

Но роман-то, как оказалось, не об этом! К сожалению, на объяснения сейчас совершенно нет времени, надо поспешать с покосом, но после..., сдаётся, что есть тут некоторая загадка.... Уже понятно, что речь идёт об «Анне Карениной»?

13.

Отступать поздно, а надо...быстро. Так..., вспоминать и

тут же проверять каждое действие, каждый намёк. Да, всё оказалось на месте, и дело, точно, в старичке! Значит..., так...: надо постараться «подбить» молодую силу – стариковским лукавством!

– «Готова, барин; бреет, сама косит, – сказал Тит»⁵.

– Вот началось..., с первой фразы. Ну, кто из «белоручек» поймёт «железную» необходимость предварительного отбива косы для этой бритвенной остроты, о которой нет даже представления у постороннего?

– «Насажена неладно, рукоятка высока, вишь, ему сгибаться как».

– Да, уж, не подогнав под себя, только намаешься.

– «...Маленький старичок... шёл впереди, ровно и широко передвигая вывернутые ноги, и точным и ровным движением, не стоившим ему, по-видимому, более труда, чем маханье руками на ходьбе, как бы играя, откладывал одинаковый, высокий ряд...».

– Вот она, по-спортивному, «техника». Граф (неловко и напоминать, что Левин списан Толстым с себя), начинает прилаживаться.

– «Буду меньше махать рукой, больше всем туловищем».

– Но как уловить скрытые тонкости этой техники движения? Он даже не замечет в горячке (уже описания) поверхностной ошибки своей «биомеханической гипотезы»: махать – «тем» или уже «этим» – вращать? Вот накатывает утомление....

– «...чаще и чаще он чувствовал минуты забытья, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тело...».

– Для искусства – достаточно; для жизни – далеко нет. Уже своё «полное жизни тело» срочно решало задачу: не ломиться через размахивание маятниками силы, а упереть нечто вроде нутряной спиральной пружины – как и куда? Графу стоило бы сделать ещё один-два шага по прокосу «эргономики труда», но уж больно хорош был...:

– «...заливной... бережёный... Калиновый луг, самый большой и лучший... с серо-зеленым... морем... шелковистых... трав... почти по пояс»!

– ... и который радуется работнику однообразием ремесленного навыка. Куда там тягаться с травами таких лугов кудластой тундряной траве! Участки разом дававшие кузов с верхом были редки, разве у низинного разлива или истаявшего в «затишок» валунной гряды, снежника. Трава, пробившаяся сквозь плотный, старый, открытый стуже дёрн, лишь в зарослях кустарникового березняка заметно поднималась в рост. Она не давала обмануться притворным падением и требовала уверенного прохода наостренного лезвия. Надо было поймать самую суть усилия, перевести сило-вращательное равновесие рук и тулова в упругий скоростно-циркулярный подрезной импульс, накатывающий автоматическим «...бессознательным движением...» – только так подкошенная горсть уляжется раз за разом на стерню в ровный валок,

столь желанный грабарю, одним прямым движением, ска-
тывающим его в охапку. А какое наслаждение, разувшись,
переступить разгоряченными босыми ступнями по щекочу-
щей, колющей прохладе подсыхающего утреннего жнивья,
охлаждая запарку от желанного северного солнца и вгоняю-
щей в пот работы. Наконец, «уперев» ряд, разом перемах-
нуть косовище вершиной в мягкий дёрн, и, крепко опер-
шись, охаживать брусом попеременно с двух сторон влаж-
ный и прохладный от стекающего зелёного сока лязгающий
клинок!

И всё же: «Мотри сюда (это у Толстого так говорят: «мот-
ри...», так что, без снобизма)»: «различно махавшие коса-
ми мужики...»(!). Так: «с размаха бравший», «согнувшись
махавший» или «не сгибаясь, шел передом, как бы играя»?
Толстой глаз не сводит с третьего, прав ли? Пожалуй, но, во-
обще-то знатоки *этого дела* говорят, что видывали и по-
заковыристей: плечом вперёд, в одну дорожку по прокосу.
Неважно..., то есть, главное – всё это и есть – сам весь чело-
век, как изготовил, да как приладился.

Хотя «молодые малые» по ранней неумелости своей, бе-
рут пока одной только грубой силой, он замечает: «И моло-
дые и старые как бы наперегонку косили. Но, как они ни то-
ропились, они не портили травы, и ряды откладывались так
же чисто и отчетливо». Притом, что «наступала минута, ко-
гда, он чувствовал, у него не остается более сил». Между
крестьянами (Толстой, в образе – хозяина-наёмщика, не мо-

жет удержаться от пересчёта: сорок два против прошлогоднего в тридцать кос) и по отношению к молодым, пока ещё любителям низших дивизионов, нет никаких насмешек, укоров, брюзжания. При том, что мужики, очевидно, горазды обсудить настройку не одной только барской косы. Толстой отнюдь не подбирает обрывки разговора; советы мужиков и необходимы и, пожалуй, достаточны: «Широк ряд берешь, умаешься...». И, особенно: «Пяткой больше налягай» – Толстой не может его не привести, настолько это важно. Иначе не наладить поступательно-возвратную вертушку «бреющего полёта», а будет лишь то безумное воздыбленное махание, которым орудуют ныне в рекламных телероликах псевдокрестьянского труда, вызывая даже не смех, а презрительное недоумение к невежеству «креативщиков»: «До какой же гадости может довести себя глупый человек»!

По Толстому выходит так, что коси ты, как хочешь (как можешь), да только дело сделай. Вроде как пустые придирки не в чести. Ну, а как же: «А вишь, подрядье-то! За это нашего брата по горбу, бывало»? Так ведь это по результату! А пропущенное подрядье – такой грех, что и сам хоть зубами вырвешь, пока ещё никто не заметил. Многоукладность, одним словом, едят её мухи....

А, его сиятельство-то, и вправду – подсобил!

На обложку машинописной рукописи был наклеен содранный с какого-то выючного экспедиционного ящика ти-

пографский ярлык с крупными буквами: «ВысепокНИИи-
ЦиП, им. теч. Гумбольдта».

Ниже, в скобках и мелко, аббревиатура раскрывалась:
(Высокоширотный Северополярнокругный научно-иссле-
довательский институт изучения Циркумполярных про-
блем)

От руки было приписано толстым, синим фломастером:
«Однопроходнонавигационная секция по Сев. мор. пути».

«Лаб. интенсификации процессов». И уже без всяких
изысков, рукописно: Выездная сессия философ, семинара.
Тезисы к докладу. М. н. с. Э. Э. Раздувай-Затушансков.

Рукопись была старая, но во многих местах на станицах
синели и чернели свежие приписки и даже были подклеены
листочки с кусками текста лазерной печати.

Толстовская ЭНИГМА I⁶

Условие задачи

«Винни-Пух сел на траву под деревом, обхватил голову лапами и стал думать. Сначала он подумал так: «Это – жжж-жжж – неспроста! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты – не пчела? По-моему, так!»

Потом он ещё подумал-подумал и сказал про себя:

«А зачем на свете пчёлы? Для того, чтобы делать мёд! По-моему, так!»

Тут он поднялся и сказал:

– А зачем на свете мёд? Для того, чтобы я его ел! По-моему, так, а не иначе!

И с этими словами он полез на дерево».

Неблагодарное занятие – объяснять шутки. Разумеется, и в знаменитом «детском бестселлере»: «Винни Пух и все-все-все». Здесь она в несовпадении пусть верной теории и эмпирического явления, действительные свойства которого, неизвестно, чем ещё обернутся! Три кембриджских года математики пошли Алану Милну впрок. На радость детям он догадался, что любая логическая раскладка – это и есть...

остроумие. И элементарную дедукцию (как у Винни) можно сделать, говоря словами ослика Иа-Иа «душераздирающим зрелищем», если согреть чувством. Дело за талантом – придумать героев и вдохнуть в них жизнь. У детей сильны чувства и свежо восприятие логики, поэтому они веселятся от души. Но, повзрослев, сколько из них будут способны испытать ещё и дополнительное удовольствие, уже от понимания этого интеллект-механизма?

Или об этом же самом, но с большим пафосом: «Но человек не до такой степени животное, чтобы быть равнодушным к тому, что говорит разум сам по себе, и чтобы пользоваться им только как орудием для удовлетворения своих потребностей как чувственного существа. Ведь над чисто животной природой возвышает его не то, что у него есть разум, если этот разум должен служить ему только ради того, что у животных выполняет инстинкт..., не предназначая его для какой-то высшей цели....

...он нуждается, правда, в разуме, чтобы всегда принимать в расчет свое благо и несчастье, но он, кроме того, обладает разумом еще и для более высокой цели, а именно... принимать в соображение... что есть доброе и злое само по себе и о чем может судить один лишь... разум...».⁷

Так в этом же и состоит сокровенное удовольствие, полностью открытое только человеку – интеллектуальный поиск истины! В радости от решённой задачи нуждаются не одни учёные. А как же бывшие уголки кроссворда в каждой, ува-

жающей себя, газете? Беспредельную по массовости любовь к жанру детектива тоже не объяснить одним лишь щекочущим чувством преодоления страха, без сопутствующей радости разгадки тайны преступления. Конечно, сделать такое занятие образом жизни – иметь профессию учёного, могут только поднявшие свою общую грамотность до высшей отметки какого-то специального знания. Но похоже ли место их работы на знаменитую «башню слоновой кости»? Что ж, поглядим...

Наука, как элементарное действие (именно действие, а не разбивка теоретических сада и лужаек для таких действий) состоит в умении, иногда виртуозном, получить ряд фактов и, затем, охватить их общим объяснением. В награду человек получает такую концентрацию усилия по отношению к явлениям, которые представлены этими фактами, что, как пример, уже позволило побывать на Луне.

В естественных науках подбор этих фактов (в пределах отвлечённости – просто цифр), настолько неуловим непосредственно чувствами, что требует специфического и большого знания. Сначала о том, где можно бы поискать такие числа («Так зачем же нам нужен адронный коллайдер?»). Потом, надо очень много уметь, чтобы ухватить во внешнем хаосе их изменения закономерность и сделать правильный вывод.

Не будем отвлекать естественников от их лабораторных приборов.

Обуздание природы, как внешней стихии – только их за-

слуга. Но, именно по особенности этих задач, им недосуг особенно разбираться даже с тем, где находятся эти лаборатории. Можно предоставить им некий «элизиум», загнать в «шарашку», может быть, заманить в Сколково, или отправить в «научные роты». Добраться куда-нибудь – вот и вся их задача.

И вот парадокс: их сводные братья – гуманитарии, при всей своей «слабосильности» перед природой, не только в той же мере признаны обществом, но, что ещё удивительней, пользуются тем же доверием! Более того, определяя во многом общественный климат, они не только находятся в гораздо более «обустроенном» положении, но, косвенным образом, оказывают влияние и на условия работы тех же естественников. Ответ – в их близости к сути того, что происходит с самим человеком. Если когда-нибудь они тоже сформулируют своё понимание энергии, то будет оно не в джоулях из ньютоно-метров, а, в чём-то, вроде «судьбозатрат» на один общественно-экономический «двиг»... Мнение по поводу этих событий и объясняет их влияние.

Однако, показное братание естественников и гуманитариев – иллюзия. Современная одинаковость учёного статуса скрывает коренное их отличие. Гуманитарная наука на самом деле конгломерат всяческого знания хоть как-то добравшегося до наших дней. («Вечная беспамять» древним цивилизациям, исчезнувшим точно бесследно!).

Не в том, конечно, смысле, чтобы «выворачивать» уже до-

стоверно известное и по-прежнему твердить: «Индия... находится почти на самом краю земного диска... и богата она золотом, которое там... добывают особые, золотиносные муравьи, каждый... величиной почти с собаку...». ⁸ А в полной возможности вообразить и обосновывать в своём уме, а, затем и печатно, нечто вроде такой «Индии» по любому отдельному поводу. И не следует думать, что эта мысль тривиальна – увы! Сергей Петрович Капица (тот случай, когда и уместно, и приятно упомянуть отчество), можно сказать, естественник «в квадрате», так как «закваской» получил вначале инженерное образование. Разрабатывая свой демографический прогноз для «гуманитарного огорода», он прекрасно заметил эту неувязку: «Установление взаимопонимания между гуманитарными и точными науками совершенно необходимо при изучении общества К сожалению, в науках об обществе многие измышляли и измышляют гипотезы...». ⁹

Недостаток «взаимопонимания», безусловно, означает «тонкий намёк на толстые обстоятельства»: замеченную им «текучесть» гуманитарной научности. Капица откровенно пеняет современным гуманитариям за знаменитый архаичный грех естественной науки – «измышление гипотез»! Эта задержка тянется недопустимо долго и становится опасной....

Во всяком случае, гуманитарное знание (и это главное), никак не современник новоевропейской науки эпохи про-

мышленных революций. Экспериментальная наука – бесхитростный ребёнок, который не только не научился обманывать, но, напротив, главным принципом имеет именно всеобщую открытость и заведомую перепроверяемость любого положения.

Естественники с самого начала не надеются на мораль и не молятся на честность. Единственное условие достоверности знания они прозорливо усматривают в обязательной и добровольной подсудности всех своих материалов научной и общественной проверке с безусловным требованием в непротиворечивой соединимости знания.

За это приходится расплачиваться научными «переворотами»: когда выросшая новая «непротиворечивость» перевешивает серьёзность заложенного основания и, переворачиваясь как айсберг, вздымает прежнее основание в виде концептуальной частности, а в основе получает более содержательную теорию. Но благодаря этому взаимная непротиворечивость структуры сохраняется.

Гуманитариям это даже не приходит в голову! В этом нет злого умысла, просто их собственное «глухариное токование» полностью заглушает потребность в определении истинной ценности своего творчества. Пользуясь доверием к «людям науки вообще», недобросовестный гуманитарий может пользоваться всеми преимуществами волка в овечьей шкуре. Он может прибегнуть к самым древним, не имеющим никакого отношения к современному укладу научной

мысли, спекуляциям. За внешней благопристойностью, достоверность его работы может достигать прямой антинаучности. К этому есть масса способов, среди которых и схоластика в упражнениях на несводимых никуда вырванных ниоткуда недоказанных фактах; доступный в размытости методов скрытый и явный плагиат и многое другое. Врождённая нечёткость в принципе неформализованного гуманитарного знания создаёт особенные условия для самого разного выражения научного творчества: от шедевров интеллектуальности до явного шарлатанства.

Так было всегда, но сейчас стало особенно ясно, что наряду с достижениями мысли, гуманитарное знание не имеет иммунитета от псевдонауки. Можно возразить: «В гуманитарное знание изначально входит вся шкала теоретической деятельности, пусть и самой обструктивной для разума – всё благо! И не надо задираться: опытная наука сама зачата в алхимии и схоластике, рождена в философии Фрэнсиса Бэкона и детские претензии на истинность тут смешны!».

Может быть, это и было так, до некоторого времени. Но не сегодня и по одной простой причине. (Обрыв рассуждения, которое можно продолжить самостоятельно в любое удобное время).

Способность чувствовать критерии в гуманитарном знании – уже свойство проникновенного ума. Поэтому вся ответственность за отделение овец от козлищ, зёрен от плевел лежит на самой «широкой общественности», к которой и об-

ращена не всегда доказательная, условно научная... проповедь. Кто же более заинтересован, избегая вреда от его вздора, уличить шарлатана? Гуманитарные знания не то чтобы проще – попробуй «зарядить» их в машину! но ближе всякому человеку и при желании, достигнуть достаточной меры понимания вполне возможно. А польза от этого огромна, так как общественный климат влияет на всё. И на успехи естественников тоже. Пока же ответственность... м-м-м... «болтологии» настолько отстала от научно-промышленных требований, что стала или тормозом, или беспомощным свидетелем общественных событий.

Так как же узнать правду? Очень просто – это естественное свойство обыденной логики, которая отображает действительную связь реальных предметов. Человек начал обучать себя этому правилу, как только научился говорить: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?»¹⁰

Достаточно сознательного внимания. Вся особенность науки заключается лишь в том, что виноград и смоквы куда как доступны непосредственному вкусу и, следовательно, пониманию, а специальными знаниями увлекаются по более редким склонностям. Но всё равно, это свойство огромного – подавляющего числа людей, которые только не должны пренебрегать им. В преобладании любопытных – заключается решение многих важнейших проблем.

Вот и порадуем себя разгадкой увлекательной шарады, доступной любому любителю литературы. Обойдёмся без наукообразия и, главное, псевдонауки, когда спекулятивную идею раздувают, пока она не вытеснит из головы все критические соображения. Воспользуемся самым простым естественнонаучным методом: учтём факты непредвзято. Не из них самих, надувая случайным мнением, а наколов точками координатной плоскости, выстроим график, выявляя функцию с чётко определённым смыслом.

Кстати, молодая опытная наука промышленного капитализма только с виду наивна. Разве не походит она на... начало начал – охоту? Честное и открытое ристалище, где ещё не было места отвлечённым и туманным гуманитарным мечтам без всякого подтверждения. Явление надо ухватить глазами ясно, как зверя, мелькнувшего в чаще леса. Бросимся же в погоню! Только настойчиво преследуя явление, можно выйти к водопою его обобщения. За ускользающей дичью придётся перебираться через обширные поля комментариев, обманчивые трясины свидетельств, карабкаться на горы объяснений, избегая увязать в очевидности. Очень осторожно пройдем по камням скрытых оснований, что лежат над водой потока мнения. Где-то надо повториться, где-то ограничиться одним из ряда фактов. Порой, выскочит из-под ног потревоженное зверьё идей или вспорхнёт пернатое предположение. И ещё, возьмём за правило приглядываться с каждой прогалины: не видать ли с нашей петляющей тропы че-

рез расщелину в скалах укромной долины понимания.

Кое-кого, по ходу, подстрелим, кого-то пропустим, куда-то пойдём, что-то минуем. Ведь не померещилась же эта загадка, так ясно видимая теперь глазу всякого «охотника до чтения», так внезапно явившись, где и не ждали?!

Итак: как случилось, что в роман о любви вложено «Руководство по эксплуатации»? А любой знаток тонкостей косьбы скажет, что это так! Уровню мастерства Толстого совершенно недопустима посторонняя к развитию главных сюжетных линий сцена со столь вопиюще избыточными подробностями. Небрежность? «Шутка гения»? Простое щегольство? Самоупоеание талантом? Продажное количество слов, строк? Вряд ли.... Большой художник не допустил бы и лишнего отточия. Зачем?

Поверхностный ответ будет: но в этом и есть характерность Толстовского письма! Это именно он способен вывести любой объём предварительного описательного текста одной настолько верной деталью, что это напоминает вдыхание божественного духа в творение из праха земного. Это так. Но всему есть мера! Никто и никогда не узнал бы (и, видимо, не узнал) всей правды, вложенной в сцену покоса, кроме «сиволапого мужика»! Роман написан для него?

Или: Толстой не может изменить правде вообще, правде для себя! Но какое отношение эта правда имеет к сюжету романа? Сознательно такой несуразный кусок не мог бы попасть в «семейный роман». Значит, он выражает бессозна-

тельную мысль, которую надо обнаружить. Иначе, это походило бы на сознательную мистификацию самим художником.

На исходную

Чу! Великое имя прозвучало. Вот незадача! – на что мы-то можем осмелиться, все тревожа академические устои «толстоведения»? Да и нужен ли нам Толстой? Общественное мнение настолько не воодушевилось юбилеем 2008-го года, что даже иностранной «интеллигенции» (которой, как известно, нет, но если бы она была) стало за нас неловко. Но можно быть уверенным, если в каком-то, Богом забытом уголке планеты: Африке, обоих Америках, Индии, Японии и где бы то ни было, «туземец» пускает на ночлег, бормоча странную фразу: «Никого бы не пустил, а русского пущу...», знайте – это Толстой просил за Вас. Чтобы это понять, надо его читать самому. Слава его была настолько велика, что – о чудо! – и в родном отечестве он стал не ввозным пророком. Соотносились так: Лев Толстой... и весь остальной мир:

«– Вот умрет Толстой, и все к черту пойдет! – говорил он не раз.

– Литература?

– И литература. Это слова Чехова, приведенные в воспоминаниях Бунина.».¹¹

Или так: «Часто приходит в голову: все ничего, все еще просто и не страшно сравнительно, пока жив Лев Николаевич Толстой...

Пока Толстой жив, идет по борозде за плугом, за своей белой лошадкой, – еще росисто утро, свежо, нестрашно, упыри дремлют, и – слава богу. Толстой идет – ведь это солнце идет. А если закатится солнце, умрет Толстой, уйдет последний гений, – что тогда?». ¹²

Два косвенных свидетельства о «неисчислимых» паломниках к Толстому со всего света. Одно, грустная оговорка сына: «я уже тогда сознавал, что Ясная Поляна, как родовое имение Толстых, почти погублено... в-главных, тем, что Лев Николаевич. просил похоронить себя в середине имения, что, конечно, будет привлекать посетителей на его могилу и тем сделает частную семейную жизнь будущих Толстых несносной». ¹³

Второе смешнее – Толстому удалось сделать из тульской глубинки мировой географический центр: «... Заснул. Встал, американки – две сестры, одна через Атлантический, другая через Тихий океан и съехались и опять едут, все видели, и меня видели, но не поумнели. Она спросила: странно вам, что они так ездят? Я попытался сказать, что надо жить так, чтобы быть useful [полезным (англ.)] другим; она сказала, что она так и ожидала, что я это скажу, но о том: правда ли это, или нет, она уже не может думать. Все ушли спать. Я сидел один тихо. И хорошо» – Толстой Л. Н. «Дневник»

9 декабря 1888.

Время жизни Толстого неуклонно удаляется. Чтобы удерживать в душевной работе добытые им истины надо, по крайней мере, не забывать о них. Готовы ли?

А чтобы откреститься от «любителей объяснять» как искренних, так и корыстных, надо ввести квоту: на одно объяснение чужой мысли – хоть одна своя. Тогда книжные полки перестанут распухать так ужасно. (Как кстати эта «электронная бумага» – оставим целлюлозу первоисточникам!). Что делать? Учёные больше всего на свете любят свою учёность! Погружаться в их перепалки бесконечно увлекательно, за одним условием: «надо дело делать, господа!». Двойко-тройщийся смысл этой Чеховской фразы, кажется, не вполне был понят.

Одних изучений по «учению» Льва Толстого воздвигнута гора. Труды: биографические, филологические, философические непременно хотят «закруглить» всего Толстого на нём самом. Каждый поворот его сложной судьбы, каждая редакция рукописи имеет уже такое количество перекрёстных ссылок от авторов, комментаторов, трактователей, что не сразу замечаешь во всём этом некий огрех.

Несмотря на все достоинства учёности, вызывающей восхищение глубиной анализа – всё это суть «литература описательно-учебная». Толстовское слово схвачено и прищиплено к бумаге, как коллекционная бабочка булавками. Серьёзность очень полезна при колке дров, но нельзя «теорию»

приконопачивать так жёстко. Трудно Толстого «накрыть учёным колпаком», ведь даже «учение» его – на самом деле, не учение, а... метод. Не то, что надо рассматривать, а то – чем смотрят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.